

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.68.25.017

Цифровизация права и цифровизация законодательства: проблемы и перспективы

Петрунин Николай Викторович

Аспирант,
Таганрогский институт управления и экономики,
347900, Таганрог, ул. Петровская, 45;
e-mail: Advokat_Petrunin@mail.ru

Аннотация

Положения о систематизации законодательства, прежде всего об инкорпорациях и кодификациях, активно разрабатываются европейской и отечественной юридической наукой около двух веков (XIX век нередко характеризуется юристами как век кодификаций). Основы отечественной теории систематизации законодательства заложены еще российской дореволюционной юриспруденцией. Многие положения, содержание которых уточнялось в 60-80-х гг. XX в., почти в том же виде используются и в настоящее время. Современная теоретическая и отраслевая юридическая наука, законодательство (законы о нормативных правовых актах, действующие на постсоветском пространстве, их проекты) исходят из важности правосистематизирующей деятельности, ее отдельных разновидностей (инкорпорация, кодификация, консолидация). Между тем развитие правосистематизирующей практики и юридической науки, в том числе и в современных условиях цифровизации общественных отношений, существенно трансформирует традиционное содержание теории систематизации законодательства. Кодификация не без оснований все чаще рассматривается в качестве разновидности правотворческой, а не правосистематизирующей деятельности. Значение инкорпорированных сборников падает, их функции берут на себя справочно-правовые системы (как официальные, так и неофициальные), ставшие основной формой и систематизации, и инкорпорации законодательства. Недостаточно ясны характеристики консолидации, отличающие ее от кодификации и правотворчества.

Для цитирования в научных исследованиях

Петрунин Н.В. Цифровизация права и цифровизация законодательства: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 8А. С. 128-136. DOI: 10.34670/AR.2023.68.25.017

Ключевые слова

Нормативный правовой акт, законодательство, систематизация законодательства, инкорпорация, кодификация, консолидация, правотворчество, цифровизация права, цифровизация законодательства, теория систематизации законодательства.

Введение

Теория систематизации законодательства в почти современном виде сформировалась во второй половине XX в., еще в советский период развития отечественной правовой системы.

В рамках этого направления теоретических юридических исследований рассматривалось значение деятельности по систематизации законодательства, отмечалась ее важность в плане упорядочения нормативного материала, поиска возможно более совершенных внешних форм представления правовых норм, облегчающих процесс их нахождения. Подвергались анализу три формы систематизации законодательства: инкорпорация, кодификация и консолидация [Антонов, 2013].

Развитие в первые десятилетия XXI в. подлежащих правовому регулированию общественных отношений, правотворческой и правосистематизирующей деятельности, современных цифровых технологий оказывает определяющее воздействие на классические положения теории систематизации законодательства, существенно их модифицируя.

В понимании кодификации произошли существенные изменения. Кодификация вполне правомерно рассматривается в качестве одного из основных видов систематизации законодательства. Исторически в применении к юридической материи кодекс мог представлять собой как единый нормативный акт, так и инкорпорированный сборник нормативных правовых актов, причем последнее значение является более ранним и идет из римского права. Кодексом (лат. *codex* – книга) именовалась одна из четырех самостоятельных частей *Corpus Juris Civilis*, представляющая собой систематизированное изложение в 12 книгах императорских конституций (*Codex*). Его и Г.Ф. Шершеневич характеризует в качестве инкорпорированного сборника: «Типичную инкорпорацию представляет Кодекс Юстиниана, соединивший в одно все законы от Адриана до Юстиниана с соблюдением систематического и хронологического порядка» (ср. в связи с этим: КЗоТ – кодекс законов о труде союзной республики – это один нормативный правовой акт, но название как будто бы указывает на сборник, содержащий несколько законов) [Баранов, Поленина, 2002].

Со временем, однако, стали обращать внимание прежде всего на правотворческое содержание кодификационной деятельности: поскольку при кодификации дается новое правовое регулирование, редакция многих и ранее действовавших норм может быть изменена, устраняются пробелы и противоречия и т.д., кодификационная деятельность с необходимостью предполагает правотворческий процесс.

В советский период еще не соединяли правотворчество и кодификацию. Наоборот, утверждалось, что в процессе правотворчества разрабатываются и принимаются некодифицированные нормативные правовые акты, составляющие большинство законодательства [Валиев, 2020].

Кодификация рассматривалась в рамках «внутренней» (т.е. включающей в себя и правотворчество) систематизации законодательства, проводимой с целью совершенствования действующего законодательства путем издания сводных нормативных правовых актов, содержащих систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определенной области общественных отношений.

Далее более-менее четко обозначилась тенденция к обособлению кодификации от иных форм систематизации законодательства. Так, по мнению В.К. Бабаева, традиционное деление систематизации на виды не отражает существующую реальность; систематизация как деятельность по упорядочению законодательства предполагает обработку уже готового

нормативного материала, а кодификация – это создание новых нормативных правовых актов. Кодификация не укладывается в рамки систематизации, а представляет собой самостоятельную, причем основную форму совершенствования законодательства.

Объективно напрашивается следующий шаг в уточнении юридической природы кодификации – рассмотрение ее в качестве прежде всего правотворческой деятельности в рамках соответствующей частнонаучной теории [Виакер, 2000].

Основная часть

Почему же вообще сложились традиции рассмотрения кодификации в рамках не правотворческой, а правосистематизирующей деятельности?

Дело в том, что теории правотворчества (общие понятия «правотворчество», «правообразование», их место в основном понятийном ряду теории права, виды, стадии, принципы правотворчества, правила подготовки и принятия нормативных правовых актов и т.д.) как таковой в отечественной теории права начала XX в. не было, она просто еще не сформировалась. Сама правотворческая деятельность государственных органов была на два-три порядка менее интенсивной по сравнению с современностью, она была сосредоточена в основном в руках высшей бюрократии, ею занимался весьма немногочисленный круг специалистов и т.д. В зачаточном состоянии (сравнительно, конечно, с современным уровнем) находились представления о правотворческой юридической технике. Законы и законодательный процесс еще не занимали того общепризнанного места в правовых системах европейских государств, какое им отводится сейчас, с демократизацией политических режимов и изменением форм правления, с развитием народного представительства, теории правового государства, принципа верховенства закона [Галузо, 2019].

После Манифеста 17 октября 1905 г. в России возникает новая модель законодательного процесса (деятельность четырех Государственных дум, 1906–1917 гг.), которая находит отражение и в теории права. Стадии законодательного процесса (инициатива, обсуждение, утверждение и обнародование закона) характеризуются более или менее полно, на основе только российской модели или же с привлечением зарубежных – вот и всё от теории правотворчества в дореволюционных изданиях по теории права.

Зато на виду были крупные исторические и современные зарубежные и отечественные законодательные проекты – Дигесты Юстиниана и в целом *Corpus Juris Civilis*, Соборное уложение, европейские кодификации XVIII–XIX вв., Свод законов Российской империи и т.д. Основное значение в изучении правотворческой деятельности государства признавалось за этими крупными законодательными проектами, инкорпорирующими или кодифицирующими нормативный материал, поэтому в дореволюционной отечественной юриспруденции была разработана прежде всего теория систематизации законодательства.

Подходы к рассмотрению кодификационной деятельности неоднозначны. Более широкое понимание кодификации распространено в компаративистике, в зарубежной юриспруденции; по-своему содержание этого термина раскрывается в международном праве. Отечественные ученые также обращают внимание на разные трактовки кодификации.

Насколько должен быть объем закон, именующийся кодексом? (Практика знает и совсем неразвернутые по своему содержанию кодексы.) То есть все ли «кодексы» являются собственно результатами кодификации?

И наоборот, можно ли рассматривать в качестве результатов кодификации иные акты, не

кодексы: законы, уставы, положения и т.д.?

Доктрина как будто бы это допускает, но в этом случае круг «кодификаций» будет определить нелегко. В государствах постсоветского пространства, в региональном законодательстве можно наблюдать некоторую вариативность в названии сходных нормативных правовых актов: закон о лесе – лесной кодекс; закон об образовании – образовательный кодекс; законы, содержащие нормы избирательного права, – избирательный кодекс и т.д. При этом конкретная терминология может отдавать дань сложившейся традиции или же быть случайным либо закономерным результатом законодательного усмотрения, сложившегося расклада политических и профессиональных интересов, проявленной политической воли и т.д. Как быть в этом случае? Считать законы результатом законодательной деятельности, а законы, которые именуется кодексами, – результатом кодификаций? Но это содержательно, с точки зрения самой сути проблемы не вполне верный подход [Гордиенко, 2016].

Вариативны и подходы к решению вопроса о том, правомерна ли кодификация на уровне правовых институтов (не отраслей, подотраслей права), которые могут иметь межотраслевой характер, общественную значимость и т.п. Во многих странах, к примеру, вместе с ГК действует и торговый кодекс. Возможно ли существование кодекса законов о защите прав потребителей, кодекса интеллектуальной собственности и др.?

На все эти вопросы сложно искать ответы, видя в кодификации только форму систематизации законодательства. Наиболее целесообразно, по нашему мнению, не столько привлекать правотворческую деятельность, указывая на ее значимость и т.д., для развития теории систематизации, сколько, наоборот, использовать аспекты теории систематизации законодательства для развития теории правотворчества, уточнения ее научных положений и усиления научных позиций.

Невозможно четкое практическое отграничение кодификации от правотворчества, кодификации от консолидации (в силу недостаточной определенности степени правотворчества, которая отличает консолидацию от кодификации) и обеих этих форм от правотворчества.

Предпочтительным представляется рассмотрение процессов принятия единых внутренне систематизированных нормативных правовых актов в рамках правотворческой деятельности [Кабрияк, 2007].

Теория кодификации должна быть соединена с теорией правотворчества и составить ее основную, главную, принципиальную часть.

Благодаря развитию цифровых технологий традиционные правовые институты и виды юридической деятельности претерпевают значительные изменения. Это справедливо и по отношению к правосистематизирующей деятельности. Законодательство создается посредством правотворчества, существует во внешне объективированной форме нормативных правовых актов. Процессы информатизации и цифровизации права, прежде всего возможности представить нормативный правовой акт в виде электронного документа, оперировать в целом массивом законодательства, выраженным в электронном виде, кардинальным образом трансформируют классические представления о видах и содержании деятельности по систематизации законодательства.

Официальные хронологические сборники (инкорпорации) постепенно утрачивают свое значение в качестве основных источников официального опубликования нормативных правовых актов. Происходит замена их или на электронные версии, интернет-версии, или

вообще на специализированные сайты для официального опубликования нормативных правовых актов [Баранов, Краснова, 2019].

Развитие справочно-правовых систем (СПС) фактически сняло вопрос о Своде законов как о необходимой генеральной инкорпорации нормативных правовых актов. Над ним была возобновлена работа в 1990-е гг., предполагалось, что Свод законов станет официальным систематизированным полным собранием действующих нормативных актов Российской Федерации. Соответствующие проблемы начали разрабатываться и в юридической науке, однако с течением времени, со всё большим проникновением цифровых технологий в правотворческую и правосистематизирующую деятельность стали очевидными преимущества электронной формы генеральной систематизации законодательства.

В современную цифровую эпоху также нивелируется систематизирующее значение неофициальных инкорпорированных сборников [Медведева, 2018].

Ранее, в докомпьютерную эпоху, они несли важную информационную нагрузку, консолидированно содержали нормативные правовые акты, регулирующие определенные сферы общественных отношений. В условиях четвертой промышленной революции и цифровизации общественных отношений, с появлением СПС и обеспечением постоянного доступа в интернет-пространство каждый специалист при необходимости может за минуты создать подборку нормативных правовых актов по интересующей его проблеме. То же самое касается учета, если его выделять в качестве самостоятельной разновидности деятельности по систематизации законодательства; различные виды учета в цифровую эпоху переводятся в электронный вид и поглощаются разного рода компьютерными программами, информационно-правовыми системами.

Цифровая форма нормативного правового акта легализуется в законах о нормативных правовых актах стран СНГ, в проектах аналогичного закона, подготовленных в России. Нормативный правовой акт может определяться как документ, существующий не только на бумажном носителе, но и как идентичный ему электронный документ. В последнем проекте закона о нормативных правовых актах, разработанном в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2019 г. (далее – проект ИзисП), уже дано понятие электронного нормативного правового акта: «электронный нормативный правовой акт – документ, дублирующий принятый нормативный правовой акт и опубликованный с использованием современных электронных технологий в соответствии с компетенцией уполномоченного правотворческого органа или должностного лица» (п. 10 ст. 2).

Тенденции развития цифровых технологий, однако, таковы, что электронный нормативный правовой акт рассматривается все чаще уже не столько в качестве дублирующего бумажный носитель и даже не в качестве идентичного ему, сколько в качестве основной или даже единственной официальной формы своего внешнего выражения [Хабриева, Тихомиров, 2019].

Актуальной формой законодательства становится форма цифровая: реестр, банк данных нормативных правовых актов. В электронном виде или на электронных и бумажных носителях существуют официальные базы данных по законодательству на постсоветском пространстве. Во многих государствах предусматривается создание электронной формы законодательства, устанавливаются правила ведения банка данных нормативных правовых актов, его регулярного обновления и т.д.

В Российской Федерации получают развитие как официальные (государственная система правовой информации – Интегрированный полнотекстовый банк правовой информации (эталонный банк данных правовой информации) «Законодательство России»: официальный

интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> и др.), так и коммерческие СПС («КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и др.).

Одна из научных позиций, характеризующих СПС, выражена в проекте ИЗИСП. Согласно ей, СПС понимается как «учет нормативных правовых актов», рассматриваемый вне основных разновидностей систематизации законодательства (инкорпорации, кодификации, консолидации); «учет нормативных правовых актов включает в себя сбор, хранение и формирование фонда нормативных правовых актов, создание поисковых систем, обеспечивающих получение достоверных сведений о нормативных правовых актах» (ч. 1 ст. 92 проекта ИЗИСП) [Рахманина, 2008].

Официальные базы данных нормативных правовых актов и коммерческие СПС можно рассматривать в качестве официальных и неофициальных систематических инкорпораций [Реутов, 2013].

Такая точка зрения является преобладающей в законах о нормативных правовых актах стран СНГ. Так, белорусский законодатель дает определение электронной инкорпорации (это вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой в электронной форме, в виде отдельных документов, баз и банков данных, иных информационных ресурсов, в том числе размещаемых в глобальной компьютерной сети Интернет, без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений). В качестве результата инкорпорации рассматривается, к примеру, Собрание законов Азербайджанской Республики – систематизированное собрание законодательных актов, регулярно обновляемое и публикуемое в электронной форме. Вполне правомерно, таким образом, видеть в СПС именно электронные инкорпорации.

Заключение

Итак, развитие цифровых технологий правотворческой и правосистематизирующей деятельности нивелирует значение официальных и неофициальных инкорпорированных сборников, выдвигая на первый план информационно-правовые системы, электронные формы инкорпорации законодательства.

Переходя к общим выводам, отметим следующее.

Развитие юридической практики в условиях цифровизации общественных отношений влечет определенную модификацию теории систематизации законодательства, которая формировалась в течение XIX-XX вв. Изменяется содержание основных понятий.

Кодификация законодательства может быть рассмотрена, как показано выше, в рамках правотворческой деятельности и, более того, как ее основная разновидность.

Инкорпорированные сборники (как официальные, так и неофициальные) утрачивают свое ведущее значение в качестве основных форм систематизации нормативных правовых актов (как было в докомпьютерную эпоху), эту роль теперь выполняют информационно-правовые системы (ИПС). СПС (ИПС) – официальные и неофициальные – стали основной формой как в целом систематизации законодательства, так и его инкорпорации.

СПС содержат тексты нормативных правовых актов. Актуальные редакции нормативных правовых актов представляют собой, по сути дела, консолидацию первоначального текста нормативного правового акта с вносимыми в последующем в него изменениями и дополнениями (консолидация результатов основного и дополнительного правотворчества).

Общее понятие «систематизация законодательства» вполне может быть ограничено только

внешней обработкой нормативного материала. Все, что связано с так называемой внутренней систематизацией (кодификация и аспекты правотворчества в консолидации законодательства, составление в результате систематизации единого нормативного правового акта, отмена ранее действовавших актов), может быть перенесено в теорию правотворчества и рассмотрено в ее рамках.

В теории правотворчества нужны более четкие положения о видах правотворческой деятельности: конституционное законотворчество (процесс создания и принятия конституций), законотворчество (наиболее важная деятельность здесь – кодификации и рекодификации), подзаконное правотворчество. Нужна и более четкая разработка проблем основного и дополнительного правотворчества.

Идеи о сокращении количества нормативных правовых актов (процессы консолидации законодательства) целесообразно также рассматривать в теории правотворчества. Необходимо понимать, что нормативный материал постоянно совершенствуется как содержательно, так и с точки зрения внешней формы своего выражения: сначала могут приниматься отдельные нормативные правовые акты, регулирующие различные аспекты определенной сферы общественных отношений, затем, по мере накопления массива нормативных правовых актов, – их новые редакции, акты могут объединяться в один или несколько более крупных нормативных правовых актов, при этом в той или иной степени изменяется и содержание правового регулирования. То есть учение о консолидации законодательства в целом созвучно известным в теории правотворчества положениям о совершенствовании не только содержания права, но и его внешней формы [Сивицкий, 2010].

Тенденции развития теории систематизации законодательства, ее определенную трансформацию в условиях цифровизации общественной жизни следует учитывать в общетеоретических и отраслевых научных исследованиях, в преподавании курса теории государства и права, в совершенствовании содержания законов о нормативных правовых актах, принятых на постсоветском пространстве (проекта аналогичного российского закона). Эти законы исходят из традиционных и устоявшихся положений юридической науки, из того, что инкорпорация, кодификация, консолидация – формы систематизации законодательства, которая может осуществляться в том числе и через правотворчество.

Сама теория систематизации законодательства (как самостоятельный научный феномен, как частнонаучная теория в рамках общей теории права), по всей видимости, остается по преимуществу в своей исторической части.

В перспективе ее положения видятся скорее растворенными в частнонаучных теориях источников права (нормативных правовых актов) и правотворчества.

Библиография

1. Антонов М.В. Кодификация как социально-историческое явление. Рецензия на книгу: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon // Правоведение. 2013. № 4. С. 254-263.
2. Баранов В.М., Краснова Д.Г. (ред.) Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2019. 1100 с.
3. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России. Н. Новгород: НА МВД России, 2002. 239 с.
4. Богдановская И.Ю. Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. 2017. № 7. С. 48-51.
5. Валиев Р.Г. Правотворческая систематизация норм права // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 27-39.
6. Виакер Ф. Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // Фемис: ежегодник истории права и правоведения. 2000. Вып. 1. С. 128-154.

7. Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России (историко-правовое исследование). М., 2019. 132 с.
8. Гордиенко П.Ю. Техника систематизации права: теоретические основы и инструментарий. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. 320 с.
9. Желдыбина Т.А. Проблемы кодификации права в учении Г.Ф. Шершеневича // Правоведение. 2007. № 4. С. 154-160.
10. Кабрияк Р. Кодификации. М.: Статут, 2007. 476 с.
11. Медведева Д.А. (ред.) Кодификация российского частного права. М.: Статут, 2018. 336 с.
12. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 154-160.
13. Пилипенко А.Н. Классификация и систематизация законодательства Франции // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 109-119.
14. Рахманина Т.Н. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 30-39.
15. Рахманина Т.Н. Кодификация законодательства. М.: Юристъ, 2005. 141 с.
16. Реутов В.П., Ваньков А.В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 16-20.
17. Сивицкий В.А. (ред.) Систематизация законодательства как способ его развития. М.: Издательский дом ВШЭ, 2010. 535 с.
18. Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ, 2019. 88 с.

Digitalization of law and digitalization of legislation: problems and prospects

Nikolai V. Petrunin

Postgraduate student,
Taganrog Institute of Management and Economics,
347900, 45 Petrovskaya str., Taganrog, Russian Federation;
e-mail: Advokat_Petrunin@mail.ru

Abstract

Provisions on the systematization of legislation, primarily on incorporation and codification, have been actively developed by European and domestic legal science for about two centuries (the 19th century is often characterized by lawyers as the century of codification). The foundations of the Russian theory of systematization of legislation were laid by Russian pre-revolutionary jurisprudence. Many provisions, the content of which were clarified in the 60-80s. XX century, are used almost in the same form at the present time. Modern theoretical and sectoral legal science, legislation (laws on normative legal acts in force in the post-Soviet space, their projects) are based on the importance of legal systematizing activity, its individual varieties (incorporation, codification, consolidation). Meanwhile, the development of legal systematization practice and legal science, including in modern conditions of digitalization of social relations, significantly transforms the traditional content of the theory of systematization of legislation. Codification, not without reason, is increasingly viewed as a type of law-making rather than law-systematizing activity. The importance of incorporated collections is falling; their functions are taken over by reference and legal systems (both official and unofficial), which have become the main form of both systematization and incorporation of legislation. The characteristics of consolidation that distinguish it from codification and lawmaking are not clear enough.

For citation

Petrinin N.V. (2023) Tsifrovizatsiya prava i tsifrovizatsiya zakonodatel'stva: problemy i perspektivy [Digitalization of law and digitalization of legislation: problems and prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (8A), pp. 128-136. DOI: 10.34670/AR.2023.68.25.017

Keywords

Regulatory legal act, legislation, systematization of legislation, incorporation, codification, consolidation, lawmaking, digitalization of law, digitalization of legislation, theory of systematization of legislation.

References

1. Antonov M.V. (2013) Kodifikatsiya kak sotsial'no-istoricheskoe yavlenie. Retseziya na knigu: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon [Codification as a socio-historical phenomenon. Book review: Csaba Varga. Codification as a sociohistorical phenomenon]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 4, pp. 254-263.
2. Baranov V.M., Krasnova D.G. (eds.) (2019) *Kodifikatsiya zakonodatel'stva: teoriya, praktika, tekhnika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Codification of legislation: theory, practice, technology: materials of the International scientific and practical conference]. N. Novgorod.
3. Baranov V.M., Polenina S.V. (2002) *Sistema prava, sistema i sistemizatsiya zakonodatel'stva v sovremennoi Rossii* [System of law, system and systematization of legislation in modern Russia]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
4. Bogdanovskaya I.Yu. (2017) Osobennost' sistemizatsii v stranakh «obshchego prava» [Features of systematization in "common law" countries]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 7, pp. 48-51.
5. Galuzo V.N. (2019) *Sistemizatsiya zakonodatel'stva v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Systematization of legislation in Russia (historical and legal research)]. Moscow.
6. Gordienko P.Yu. (2016) *Tekhnika sistemizatsii prava: teoreticheskie osnovy i instrumentarii* [Techniques for systematizing law: theoretical foundations and tools]. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House.
7. Kabriyakh R. (2007) *Kodifikatsii* [Codifications]. Moscow: Statut Publ.
8. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (2019) *O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiiskoi Federatsii (initsiativnyi projekt federal'nogo zakona)* [On regulatory legal acts in the Russian Federation (initiative draft federal law)], 5th ed. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law (IZiSP) under the Government of the Russian Federation.
9. Medvedeva D.A. (ed.) (2018) *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava* [Codification of Russian private law]. Moscow: Statut Publ.
10. Mitskevich A.V. (2001) Sistemizatsiya zakonov Rossiiskoi imperii M.M. Speranskim [Systematization of the laws of the Russian Empire M.M. Speransky]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 5, pp. 154-160.
11. Pilipenko A.N. (2001) Klassifikatsiya i sistemizatsiya zakonodatel'stva Frantsii [Classification and systematization of French legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 9, pp. 109-119.
12. Rakhmanina T.N. (2008) Aktual'nye problemy kodifikatsii rossiiskogo zakonodatel'stva [Current problems of codification of Russian legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 4, pp. 30-39.
13. Rakhmanina T.N. (2005) *Kodifikatsiya zakonodatel'stva* [Codification of legislation]. Moscow: Yurist" Publ.
14. Reutov V.P., Van'kov A.V. (2013) K voprosu o konsolidatsii kak forme sistemizatsii zakonodatel'stva [On the issue of consolidation as a form of systematization of legislation]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* [Law and modern states], 3, pp. 16-20.
15. Sivitskii V.A. (ed.) (2010) *Sistemizatsiya zakonodatel'stva kak sposob ego razvitiya* [Systematization of legislation as a way of its development]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics.
16. Valiev R.G. (2020) Pravotvorcheskaya sistemizatsiya norm prava [Law-making systematization of legal norms]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 7, pp. 27-39.
17. Viaker F. (2000) Zarozhdenie, rastsvet i krizis idei kodifikatsii [Origin, flourishing and crisis of the idea of codification]. *Femis: ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya* [Themis: yearbook of the history of law and jurisprudence], 1, pp. 128-154.
18. Zheldyubina T.A. (2007) Problemy kodifikatsii prava v uchenii G.F. Shershenevicha [Problems of codification of law in the teachings of G.F. Shershenevich]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 4, pp. 154-160.